

М. А. БАРГ

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ ДИГГЕРОВ

Движение диггеров («копателей») — это вершина борьбы народных низов за демократическое развитие революции 40-х годов XVII в. в Англии и, вместе с тем, — вершина социального самосознания этих низов, достигнутого ими в ходе этой революции.

Идеология диггеров была, вне всякого сомнения, величайшим достижением социально-политической мысли, выкристаллизовавшейся в переломный период истории Англии на рубеже между рушившимся феодализмом и утверждавшимся на его развалинах капитализмом. Эта идеология, выражавшая интересы наиболее обездоленных слоев английского народа — плебейских масс, в той или иной степени уже лишенных собственности, до сих пор поражает не только глубиной проникновения в сущность событий «Великого мятежа», но также и гениальным прозрением ряда условий грядущего освобождения трудящихся от всех форм тирании и угнетения.

Но как раз поэтому движение диггеров и его идеология были преданы английской буржуазной историографией столь полному забвению, что материалы о движении диггеров пролежали под спудом без малого три столетия¹.

Историография торжествующих и самодовольных буржуа викторианской Англии либо не удосуживалась даже упомянуть о диггерах при освещении событий 40-х годов (примером может служить «История Англии» Маколея)², либо делала это вскользь, мимоходом, не скрывая своего пренебрежения к затее — по ее мнению — горстки людей, одержимых навязчивыми идеями, галлюцинациями, и вряд ли находившихся в здравом уме³.

Когда под влиянием русской революции 1905 г. в Англии, наконец, нашлись, мы сказали бы, смельчаки, которые обратились к идейному наследию диггеров, то на первом плане оказались причудливость их религиозных воззрений, а вовсе не сущность их социальной идеологии.

Начиная от Л. Беренса⁴, который первым в Англии открыл Уинстенли, и кончая современным исследователем социальной идеологии в эпоху буржуазной революции 40-х годов У. Шенком⁵, в буржуазной историографии отчетливо прослеживается линия, уводящая изучение идеологии диггеров на совершенно ложный путь. Вместо того чтобы исследовать, какими ак-

¹ Достаточно сказать, что первое полное собрание памфлетов идеолога диггеров — Джерарда Уинстенли было опубликовано только в 1941 г. — «The Works of Gerrard Winstanley. With an Appendix of Documents Relating to the Digger Movement» (далее — «The Works»). New York, 1941.

² Th. B. Macaulay. The History of England from the Accession of James the Second, vol. I. London, 1849.

³ S. R. Gardiner. History of the Commonwealth and Protectorate, vol. I. London, 1894.

⁴ L. H. Berens. The Digger Movement in Days of the Commonwealth as Revealed in Writings of Gerard Winstanley. London, 1906.

⁵ W. Schenk. The Concern for Social Justice in the Puritan Revolution. London, 1948.

туальными проблемами, какими общественными противоречиями Англии 40-х годов было вызвано движение диггеров, на чьи запросы оно отвечало, какое место оно занимало в ходе самой революции, историки этого направления обратились к изучению «религиозных корней» идеологии диггеров, усматривая их в средневековой мистике и сектантстве.

Наконец, от Э. Бернштейна⁶ ведет свое начало вторая, не менее ложная, линия в изучении идеологии диггеров. Суть этой линии — в столь безудержной модернизации и идеализации их устремлений и целей, что под пером Бернштейна и в особенности его последователей социальная программа диггеров превращается едва ли не в программу современного коммунизма⁷.

Только в советской историографии Английской революции диггеры заняли то место, которое они по праву заслуживают. Их социальные идеалы впервые получили научное истолкование, а их движение рассматривается в свете борьбы народных низов за углубление буржуазной революции XVII в.⁸

Однако и в советской историографии диггерам до сих пор не посвящено ни одной монографии. К тому же исследование их идеологии не всегда отличалось, на наш взгляд, должным историзмом. Основное внимание было направлено на освещение уравнилельного коммунистического идеала, который изучался к тому же в отрыве от идеологии народных движений — как предшествовавших диггерам, так и следовавших за ними. Эта односторонность в истолковании идеологии диггерского движения затрудняла объективно-историческую оценку ее содержания и роли в ходе революции.

Утопические, примитивно-коммунистические воззрения Уинстенли⁹ составляют лишь одну сторону проблемы. Вторая заключается в том, чтобы попытаться установить связь между идеологией диггеров и борьбой английского крестьянства против буржуазно-дворянского аграрного переворота, против системы лендлордизма, за торжество крестьянской собственности и свободы. Только в этом случае может быть решен вопрос как о генезисе идеологии диггеров, так и о ее реально-историческом значении.

Цель настоящей статьи — рассмотреть именно эту сторону идеологии диггеров и наметить возможные пути ее дальнейшего исследования.

* * *

Историческое своеобразие и вместе с тем сложность социальной идеологии диггеров заключаются в том, что в ней устремления плебса — пусть неизбежно примитивные и туманные — к социальному переустройству общества на основе равенства слились воедино с идеологией крестьянской, антифеодальной революции.

Движение диггеров было, по словам Энгельса, движением «того класса, который был более или менее развитым предшественником современного

⁶ E. Bernstein. Sozialismus und Demokratie in der grossen englischen Revolution. Stuttgart, 1919.

⁷ Примером подобных работ могут служить статья М. Джеймс в сборнике C. Hill. The English Revolution 1641. Three Essays. London, 1941, p. 130 (русс. перевод: К. Хилл. Английская революция. М., 1947) и книга Н. Холореншоу. Левеллеры и английская революция. М., 1947). Этим же недостатком отчасти страдает и содержательное исследование D. Petegorsky. Left-Wing Democracy in the English Civil War. London, 1940.

⁸ «Английская буржуазная революция XVII в.», т. II. М., 1954, стр. 170 и сл.; В. Сталин. Уинстенли — идеолог коммунизма в Великой английской революции. — «Известия АН СССР», серия VII, Отделение общественных наук, 1935, № 1; его же. Утопия Джерарда Уинстенли. — «Исторический журнал», 1942, № 3—4.

⁹ Они обстоятельно рассмотрены, например, в ввводной статье В. П. Волгина к книге Джерард Уинстенли. Избранные памфлеты. М.—Л., 1950.

пролетариата»¹⁰. Вместе с тем не следует упускать из виду, что этот класс был, в условиях Англии середины XVII в., особенно тесно связан с крестьянством, даже в том случае, если представители этого класса оказывались вытесненными из деревни. Роль английского плебса в событиях 40-х годов может быть уяснена лишь с учетом, во-первых, его значительного удельного веса в социальной структуре общества времени первых Стюартов¹¹ и, во-вторых, того, что он являлся по преимуществу плебсом с е л ь с к и м, составлял органическую и местами наиболее многочисленную часть сельского населения, кровно связанную с судьбами крестьянского землевладения. Вот почему борьба за землю, против земельной монополии дворянства составляла стержень крестьянско-плебейского союза, противостоявшего на буржуазно-демократическом этапе революции классам-союзникам (т. е. буржуазии и новому дворянству). Крестьянско-плебейская аграрная программа — единственная подлинно революционная социальная программа 40-х годов, истинный ключ к социально-историческому истолкованию идеологии диггеров. В результате огораживаний, этой специфически английской формы экспроприации крестьянской и общинной поземельной собственности, малоземельные и безземельные крестьяне первой половины XVII в., обобщенно именуемые нами «коттеры», были не только наиболее обездоленным, но и наиболее революционным общественным слоем страны. И это не случайно. Коттер той поры — типичная фигура наемного труженика переходной (от феодализма к капитализму) эпохи. Он подвергался эксплуатации одновременно и как наемный рабочий капиталистической мануфактуры, и как держатель на феодальном праве манора. При этом, поскольку капиталистическая мануфактура еще не приводила к окончательному отрыву промышленности от земледелия, сельские интересы все еще были жизненно важными в формировании социального положения и идеологии коттера.

Являясь первой жертвой огораживаний полей и эвикций (сгона традиционных держателей с их наделов)¹², коттер в течение более полувека был центральной фигурой социальных движений английского крестьянства — йомеири, движений, порождаемых этими процессами. Коттер — поистине наиболее «беспokoйный», наиболее мятежный элемент в английской деревне первой половины XVII в.¹³, и, вместе с тем, именно он был выразителем стихийного протеста наемного рабочего против полукрепостнической кабалы, которую несло с собой «рабочее законодательство» первых Стюартов.

Удивительно ли, что основная особенность народных движений в предреволюционной Англии заключается в невозможности их сколь-нибудь четко дифференцировать на «сельские» и «городские»¹⁴, выделить в них интересы собственно «крестьянские» и «плебейские»¹⁵. Крестья-

¹⁰ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1957, стр. 18.

¹¹ По вычислениям экономиста и статистика Кинга, относящимся к концу XVII в., наемные рабочие, коттеры и пауперы, составляли почти половину населения страны (2575 тыс. из 5500 тыс.).— G. King. Natural and Political Observations. 1696. Впервые напечатано в качестве приложения в книге: G. Chalmers. Estimate of the Comparative Strength of Great Britain. London, 1801.

¹² См. И. Л. Попов-Ленский. К вопросу об огораживании общинных полей в Англии в первой половине XVII в.— «Ученые записки Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Институт истории», т. 3. М., 1929, стр. 293.

¹³ Этот важнейший факт социальной истории XVII в. подтверждается протоколами квартальных сессий мировых судей (Records of the justices of peace) этого периода. То обстоятельство, что в документах правительства чаще всего именуют восставших «commoners» (общинники), свидетельствует о том, что защита общинных прав являлась не только целью борьбы, но и основанием для участия в восстаниях.

¹⁴ В. М. Лавровский, М. А. Барг. Английская буржуазная революция XVII в. М., 1958, стр. 135.

¹⁵ Ср. С. И. Архангельский. Крестьянское восстание в Англии 1643 г.— «Научные труды исторического фак-та Горьковского педаг. ин-та», вып. XIII, 1950, стр. 118 и сл.

янско-плебейский характер народных движений первой половины XVII в. не только позволяет понять характер движения диггеров в годы революции, но и служит предостережением против чрезмерного упрощения диггерской идеологии.

Естественно, что в условиях Англии середины XVII в., с далеко зашедшей социально-имущественной дифференциацией крестьянства, к тому же чрезвычайно градуированного с юридической точки зрения, на союз с плебсом могли пойти лишь наиболее радикальные слои йоменри. В то же время плебс, хотя и состоявший в значительной степени из промышленных и сельскохозяйственных наемных рабочих, был еще настолько социально-незрелой силой, что ему не под силу оказалась успешная борьба за гегемонию в буржуазной революции. Когда английскому плебсу в ходе революции пришлось сформулировать свои мечты о «равенстве» (equality) и «братстве» (brotherhood) в виде положительной политической программы, то оказалось, что эти примитивно коммунистические мечтания являются выражением прежде всего крестьянских чаяний об уничтожении феодализма. В этом мы усматриваем ярчайшее подтверждение неразрывного единства плебейских и крестьянских интересов. Здесь с предельной очевидностью раскрывается антифеодальная, революционная направленность социалистических утопий эпохи ранних буржуазных революций, преемственная связь этих утопий с идеологией радикальных течений средневековых крестьянских восстаний. О значении аграрной программы диггеров следует судить не по числу людей, боровшихся под их знаменем, а по той глубине социального переворота, которого она требовала, по той опасности, которую она представляла для индипендентской республики 1649 г., опиравшейся на незыблемость системы лендлордизма. Именно эта антифеодальная направленность программы диггеров так испугала членов парламента протектората, что они с содроганием и ужасом называли многочисленную группу диггеров «величайшей чумой» (the greatest pest) для страны¹⁶.

Итак, роль диггеров в Английской революции 40-х годов может быть полностью оценена только при условии, если их движение будет поставлено в связь с аграрным законодательством революции.

Партия мелкобуржуазных радикалов — левеллеров, политически противостоявшая индипендентам, в силу ряда обстоятельств оказалась не в состоянии, даже на короткий срок, вырвать гегемонию в революции из рук индипендентов. Одной из основных причин слабости левеллерского движения было отсутствие у него аграрной программы, сколько-нибудь соответствующей сокровенным чаяниям крестьянства как класса. Более того, левеллеры вообще не создали самостоятельной аграрной программы, ибо те требования, которые они выдвигали, являлись

¹⁶ «Diary of Thomas Burton», vol. I. London, 1828, p. 153. Эта характеристика отнеслась к нескольким десяткам жителей Кобхема и окрестных селений в графстве Серри, которые 8 апреля 1649 г. собрались на общинной пустоши у холма св. Георгия и начали лопатами и мотыгами вспахивать землю, подготавливая ее к посеву. Эту группу «диггеров» («копателей») возглавляли бывший солдат Уильям Эверард и Джерард Уинстенли. Так как колония диггеров своим существованием практически отрицала принцип частной собственности на общинные земли, эта колония, несмотря на исключительно мирные обстоятельства ее создания, наводила ужас на лендлордов окрестных маноров.

Стоит вспомнить, что термин «диггер» (так же как и название «левеллер» — «уравнитель») возник еще задолго до революции, в ходе крестьянского восстания 1607 г., вызванного волной огораживаний в центральных графствах Англии. Это восстание, участники которого уничтожали прежде всего изгороди и рвы, возведенные на общинных землях, получило название «Digger Revolt» (см. E. G. A. u. Transactions of the Royal Historical Society, t. XVIII, p. 214, № 1). Диггеры 1649 г. называли себя «истинными левеллерами», в отличие от сторонников Лилльберна — «политических» левеллеров. — См. памфлет Дж. Уинстенли, озаглавленный «The True Levellers Standard Advanced». — «The Works», p. 247.

лишь разнообразностью программы индипендентского джентри, исходившей из сохранения системы лендлордизма как незыблемой основы аграрного строя страны¹⁷. Левеллеры «проглядели» крестьянскую аграрную программу, больше того, они выступили по существу против нее. Это не только объясняет основную причину их поражения в борьбе с республикой Кромвеля, но и раскрывает то, что подлинными антагонистами на буржуазно-демократическом этапе Английской революции были отнюдь не индипенденты и левеллеры, а индипенденты и крестьянско-плебейская оппозиция, олицетворявшаяся диггерами. До конца последовательно демократической в борьбе против лендлордизма могла быть именно та программа, которая в принципе отрицала частную собственность на землю. Вот почему диггеры и являлись в условиях Английской революции XVII в. наиболее адекватными выразителями чаяний крестьянства как класса.

Отмеченные особенности расстановки классовых сил в Английской революции позволяют понять причины как большого исторического значения движения диггеров, так и неизбежной его неудачи.

* * *

Основным источником для изучения идеологии диггерского движения служат памфлеты Джерарда Уинстенли — его признанного вождя и вдохновителя.

Нельзя, однако, не учитывать, что произведения Уинстенли в одно и то же время и уже и шире идеологии диггерства. Уже они постольку, поскольку основание несколькими десятками копателей колонии на пустоши близ Кобхема, не исчерпывало собой борьбы крестьянско-плебейской оппозиции за демократический переворот в английской деревне; шире они потому, что у Уинстенли имеется сочинение, написанное значительно позже подавления выступлений диггеров, сочинение, не столько формулирующее задачи актуальной политической борьбы, сколько являющееся своего рода социальным поучением и завещанием автора далеким потомкам.

Поэтому для того, чтобы обрисовать идеологию диггерства, необходимо наряду с памфлетами Уинстенли привлечь и тот документальный материал, который, предшествуя им по времени, содержит уже в той или иной форме основные требования крестьянско-плебейской аграрной программы 40-х годов, а также и те памфлеты, которые не принадлежат перу Уинстенли, но весьма созвучны идеологии основателей колонии диггеров¹⁸. Это не только значительно расширит поле наших наблюдений, но и поможет положить конец всем попыткам буржуазной историографии свести диггерское движение к столь незначительному и кратковременному эпизоду, что пренебрежение им оказывается как будто научно оправданным. Хронологические рамки диггерского движения должны быть расширены по крайней мере настолько, чтобы они включали период перехода революционной инициативы к народным низам, т. е. 1647—1649 гг.

Те буржуазные историки, которые обращались к изучению движения народных масс в эти годы, опирались исключительно на трактаты Лилльберна и его единомышленников, что приводило к односторонней трактовке содержания борьбы этого периода. Сосредоточение внимания на политической борьбе между индипендентами и левеллерами оставляло в тени тот чрезвычайно важный факт, что направление Лилльберна и его последователей — это еще не все левеллерское движение и что само это движение,

¹⁷ Ср. Ю. М. Сапрыкин. К вопросу об отношении левеллеров к борьбе классов за землю. — «Вестник Московского университета. Серия общественных наук», 1951, № 4, вып. 2.

¹⁸ Поэтому глубоко неправ Д. Петегорский, когда он отказывается отнести к диггерским произведениям памфлеты «Свет, воссиявший в Бекингемшире» и его продолжение «Новый свет» только на том основании, что они не принадлежат перу Уинстенли. — См. D. Petegorsky. Left-Wing Democracy in the English Civil War, p. 138.

будучи в указанный период наиболее организованным и массовым, все же не охватывало всех форм борьбы народных низов¹⁹.

Социальные движения периода Английской революции еще слишком слабо изучены, чтобы можно было составить о них окончательное суждение. Тем не менее и те немногочисленные данные, которые введены в научный оборот, свидетельствуют о том, что в указанные годы (даже если оставить в стороне почти не исследованные так называемые «муниципальные движения») имелось сильное течение, отпочковавшееся к 1647 г. от направления Лилльберна и его последователей. Питательной почвой для этого течения — его можно было бы назвать «аграрным левеллерством» — служило острое недовольство крестьянства односторонним, классово-эгоистическим характером аграрного законодательства Долгого парламента, которое (актом от 24 февраля 1646 г.) оставило основную массу йоменри под игом лендлордов.

Это аграрное левеллерство и явилось, по-видимому, подлинным истоком движения диггеров. Такое предположение подтверждается тем, что памфлеты сельских левеллеров, о которых будет идти речь²⁰, не только хронологически предшествуют памфлетам Уинстенли, где впервые изложены воззрения диггеров²¹, но и содержат многие из развитых им впоследствии идей²². Вместе с тем памфлеты сельских левеллеров, удивительно близкие к произведениям Уинстенли даже по языку, сильно отличаются от памфлетов Лилльберна и его последователей, почти полностью обходивших социальные проблемы своего времени. Знаменателен и тот факт, что уже с начала 1648 г., т. е. еще задолго до выступления Уинстенли, Лилльберн и его единомышленники стали всячески открепиваться от обвинений в намерении «уравнять состояния людей», что, как мы увидим, составляло стержень идеологии аграрного левеллерства.

Сведения о течении сельских (или, точнее, аграрных) левеллеров могут быть почерпнуты помимо памфлетов также из петиций, причем как раз из тех, к которым меньше приложили руку Лилльберн и его сторонники и которые поэтому, доносят к нам голос самих низов. Показательно, что число таких петиций заметно увеличилось как раз в 1648 г., когда политические левеллеры вступили в открытый союз с индипендентами. Для этих петиций характерно, что в них все более отчетливо звучат не абстрактные лилльберновские апелляции к «общечеловеческим свободам и правам», а классовые мотивы.

Пробуждению классового самосознания трудящихся содействовали рост дороговизны, ухудшение положения широких масс. Волна народного возмущения стала перехлестывать через барьеры левеллерских аргументов. Вот как рисует положение в стране Уильям Седжвик, автор одного из наиболее умеренных памфлетов того времени: «Честные занятия, став почти бесполезными, оставляются... Торговля [и ремесло] — источник жизни для [многих] тысяч пришли в упадок; разоренные налогами... бедняки умирают

¹⁹ Особенно повинен в этой односторонности Холореншоу, который вообще не дифференцирует левеллеров, а Лилльберна и его последователей считает основными носителями социального и политического радикализма в 40-х годах XVII в.— Ср. Н. Holgrenshaw. *The Levellers...*, p. 16.

²⁰ Говоря о сельских левеллерах, мы имеем в виду тех, кто в отличие от Лилльберна усматривал основы свободы не в правовых гарантиях, а в изменении строя поземельной собственности. «То, что именуется «Народным соглашением», слишком недостаточно и слишком поверхностно (too shallow), чтобы действительно принести нам свободу», — писал автор анонимного памфлета из Бекингемшира. — См. «More Light Shining in Buckinghamshire». — «The Works», p. 639.

²¹ Памфлет бекингемширских левеллеров «Light Shining in Buckinghamshire» датирован 5 декабря 1648 г. («The Works», p. 609), а первый социальный памфлет Уинстенли «The New Law of Righteousness» («The Works», p. 147) датирован 26 января 1649 г.

²² Недаром памфлеты авторов, вышедших из среды сельских левеллеров, долгое время приписывались Уинстенли.

с голоду или восстают с тем, чтобы силой вырвать вспомоществование из рук богатых... Задавленный налогами, разоренный войной... о, скорбный народ!»²³.

Недовольство народных низов, усилившееся в 1648 г., особенно отчетливо прозвучало в январской петиции, озаглавленной: «Вопли отчаяния многих тысяч бедных ремесленников (tradesmen), умирающих с голоду по причине упадка торговли». В ней, наряду с обычными жалобами на упадок торговли и ремесла и дороговизну продовольствия, мы находим следующие знаменательные слова, адресованные богатым: «...у вас, из Сити, покупающих наш труд, наверно, ломаются столы [от яств] и чаши переполнены; не потому ли вы платите за наш труд, как вам заблагорассудится, мало или совсем ничего, ибо знаете, что мы вынуждены его продавать, чтобы обеспечить наши семьи, без чего мы погибнем с голоду.

Итак, за счет нашей крови вы, богачи, живете и украшаете себя... Откуда же у вас пышные шелка и бархаты, блестящие золотые и серебряные украшения; не добыты ли они потом наших лиц и спин, за счет наших голодных желудков?». А в заключение еще один поразительный по своей глубине вопрос о причинах гражданской войны: «Не из-за того ли весь спор (т. е. гражданская война.— М. Б.), чьими рабами должны быть бедняки?»²⁴.

Сопоставив эти строки со всем, что вышло из-под пера Лилльберна, нетрудно убедиться, что перед нами совершенно иное направление левеллерской мысли. Не менее характерен в этом смысле и памфлет, изданный в августе 1648 г. под красноречивым заглавием: «Беспокойство для тех, кто причиняет Англии страдания, или справедливые решения простых людей Англии, направленные против богатых и могущественных, из-за гордыни, вероломства и злонамеренности которых они [простые люди] доведены до крайней нужды и нищеты».

В нем мы находим, между прочим, и следующие строки: «Все события с самого начала с очевидностью свидетельствуют о [существовании] заговора богатых и могущественных с целью обездолжить и поработить всех простых (plaine) и бедных людей (mean) по всей стране... Вы с помощью подкупа правительства, несправедливых и неравных законов, обмана, тирании и угнетения захватили в свои хищные руки большую часть земли этого страдающего и поработленного народа. С помощью монополий, ростовщичества и сделок вы захватили в свое владение все богатства, деньги и дома! Более того, вы завладели нашими общинными землями в большинстве графств и ограбили нас... Как чрезмерно и бессовестно вы повысили в течение последних 40 лет земельные ренты и плату за жилища и мастерские в городах. Как много семейств вы разорили и пустили по миру, одних с помощью грабительских рент, а других, скупая аренды и монополизировав торговлю и ремесло». В конце памфлета «простые и бедные люди» угрожают прекратить выплату рент, долгов и процентов и уничтожить изгороди, возведенные на общинных землях²⁵.

Чем больше зрело в народных низах сознание того, что источником их страданий является социальная несправедливость, крайне неравномерное распределение материальных благ, «которых на земле более чем достаточно, чтобы кто-либо должен был погибать с голода и нужды»²⁶, тем чаще

²³ См. W. Sedgwick. The Leaves of the Trees of Life for the Healing of the Nations. London, 1648, p. 31.

²⁴ «The Mournfull Cryes of Many Thousand Poor Tradesman Who are Ready to Famish Through Decay of Trade, or the Warning Teares of the Oppressed (June 1648)». — «Leveller Manifestoes of the Puritan Revolution» (далее — «Leveller Manifestoes»). London, 1944, p. 275—276.

²⁵ «England's Troublers Troubled or the Just Resolutions of the Plaine Men of England Against the Rich and Mightie by Whose Pride, Treachery and Wilfulness They are Brought into Extreame Necessity and Misery (Aug. 1648)». — Цит. по: D. Petegorsk y. Left-Wing Democracy..., p. 106—107.

²⁶ Ibidem.

высказывались эгалитарные чаяния и устремления. Они получили особенно широкое распространение в ходе второй пражданской войны, когда судьба монархии была уже по существу решена, а идеал нового, «справедливого правительства» связывался с более справедливым распределением собственности.

Как и следовало ожидать, уравнивательные тенденции наиболее интенсивно распространились в среде сельского плебса, так как в деревне причины вопиющего имущественного неравенства были особенно очевидны. Эти тенденции были наиболее глубинными, и поэтому не всегда высказывались открыто, особенно в печатных произведениях. Но о популярности эгалитарных идей свидетельствует то, что в мире собственников они рассматривались как явление угрожающее. Так расценивали их не только пресвитериане или индепенденты, но и политические левеллеры.

Хорошо известно, что Лильберн и его единомышленники неоднократно с негодованием отмечали обвинение, будто они стремятся к «уравнению состояний», к «обобществлению имущества». Они отказывались и от самого названия «левеллеры», которое было дано им врагами, чтобы их скомпрометировать. В марте 1648 г. Лильберн решительно утверждал, что он и его сторонники являются «самыми верными и последовательными поборниками свободы и собственности», а это «прямо противоположно общности имущества и уравнительству», что в его памфлетах и декларациях нельзя найти ни малейшего намека на намерение «уравнивать имущества посредством общего законодательства»²⁷. Сентябрьская петиция левеллеров, направленная палате общин, содержала специальное требование, чтобы парламент взял на себя и возложил на все будущие парламенты обязательство «не отменять (abolish) собственность, не уравнивать имущество людей и не вводить [законом] общности имущества»²⁸. А во второй редакции «Народного соглашения», разработанной в конце 1648 г., говорилось: «Ни один парламент не будет [правомочен] уравнивать состояния людей, уничтожать [частную] собственность или делать все вещи общими»²⁹.

Тот факт, что линия политических левеллеров в вопросах о собственности резко отличалась от мотивов, звучавших в петициях, исходивших из низов, нельзя объяснить тем, что эти публичные выступления левеллеров были якобы лишь вынужденным «тактическим приемом», родившимся в пылу борьбы с индепендентами³⁰. Ведь не случайно же число подобного рода деклараций увеличилось как раз в то время, когда левеллеры заключили своего рода «перемирие» и даже союз с индепендентами. Но и тогда, когда произошел уже окончательный разрыв левеллеров с индепендентами, политические левеллеры решительно отмежевывались от воззрений аграрного левеллерства. Очевидно, левеллерам прежде всего потому приходилось неоднократно уточнять свои воззрения по вопросам собственности, что в народных низах — помимо воли Лильберна и его сторонников и даже вопреки им — росло стремление к решительному вторжению в отношения собственности в пользу неимущих.

Ранней весной 1649 г. Лильберн и его ближайшие соратники — Уолвин, Овертон, Принс — были по приказу Государственного совета заключены в тюрьму Тауэр. Отсюда они повели атаки против индепендентов и их республики, в которой они справедливо усмотрели «новые цепи Англии». Кромвель в это время готовил открытую расправу с левеллерами в

²⁷ J. Lilburne. A Whip for the Present House of Lords, or the Levellers Levelled (March 1648).— Цит. по: D. Petegorsky. Left-Wing Democracy..., p. 110.

²⁸ «To the Right Honourable the Commons of England... the Humble Petition of Divers Well-Affected Persons (11 September 1648).— «Puritanism and Liberty». London. 1938, p. 340.

²⁹ «Foundations of Freedom: or an Agreement of the People» (15 dec. 1648).— «Leveller Manifestoes», p. 300—301 («Народное соглашение» — проект демократической конституции, выдвинутый левеллерами в 1647 г.).

³⁰ D. Petegorsky. Left-Wing Democracy..., p. 111.

армии. Жестокие преследования обрушились на сторонников Лилльберна в Лондоне и графствах. В середине апреля — начале мая 1649 г. были сформулированы так называемый «Манифест» и четвертая редакция «Народного соглашения». Эти политические документы левеллерского движения должны были представить их воззрения в наиболее чистом виде.

В «Манифесте», стремясь опровергнуть и «рассеять тучи бесчестия и клеветы», Лилльберн и его единомышленники снова заявили, что они никогда не стремились уравнивать состояния людей, устранить сословные различия и звания. Отвергая эту «неистовую демагогию властей», левеллеры ссылались на сентябрьскую петицию 1648 г., где они высказали свой взгляд «на уравнивание» (concerning levelling), под которым «обычно понимают» (!) «уравнивание состояния людей (an equalling of men's estate) и отмену собственности». Они еще раз объявляли «весьма вредной» любую подобную попытку и утверждали, что вопрос о собственности не входит в компетенцию верховного представительного органа³¹. А в четвертой (последней) редакции «Народного соглашения» от 1 мая 1649 г. мы снова находим специальный пункт, запрещающий парламенту принимать законодательные акты, касающиеся вопросов собственности, уравнивать состояния, разрушать собственность или делать все вещи общими³².

Итак, политические левеллеры были принципиальными врагами эгалитаризма апарных левеллеров и последовательными защитниками незыблемости частной собственности. Последние сомнения относительно взглядов Лилльберна на проблему собственности окончательно рассеются, если прочитать его слова, сказанные тогда, когда он уже давно отошел от политической борьбы.

«На мой взгляд,— писал Лилльберн в 1652 г.,— нелепый замысел об уравнивании собственности и власти столь смехотворен и глуп, что, будучи чистосердечным, нельзя себе представить никого, кто в здравом уме был бы сторонником этого принципа; ибо, если его реализовать, он привел бы не только к уничтожению трудолюбия в мире, но разрушил бы самые основы государства [и общества]; ...кто же станет заботиться о том, что, будучи приобретенным, не станет его собственностью, а должно быть равномерно разделено с любым лентяем и бездельником?»³³.

Итак, мы видим — и декларации Лилльберна в защиту частной собственности это подтверждают,— что в низах подспудно росло и ширилось сознание того, что бедные и неимущие не могут выбиться из нужды, иначе как за счет богатых. Еще раньше, чем идеология диггеров была сформулирована и аргументирована в памфлетах Джерарда Уинстенли, она уже стала широким течением социальной мысли, родившимся в ходе победоносной войны против короля и вызванным прежде всего горьким разочарованием народных низов в тех целях, которые ставили перед собой классы-союзники (буржуазия и новое дворянство).

Об этом свидетельствует и то, что реформаторы, занимавшиеся в 1647—1648 гг. проблемой пауперизма и далекие от левеллерского движения, счи-

³¹ «Мы поэтому заявляем, что никогда не помышляли уравнивать состояния людей и что нашей высшей целью является направить республику по такому пути, чтобы каждый человек мог с наибольшей безопасностью пользоваться своей собственностью». — «A Manifestation». — «Leveller Manifestoes», p. 391.

³² «An Agreement of the Free People of England» (1 May 1649). — «Leveller Manifestoes», p. 409. Уильям Уолвин, один из соратников Лилльберна, по-видимому, намного острее последнего чувствовал господствующую социальную несправедливость. Однако вряд ли есть основание считать, что он олицетворял принципиально иное направление левеллерства по сравнению с Лилльберном (ср. E. Bernstein. Cromwell and Communism, p. 121). Часто приводят высказывание Уильяма Уолвина, будто бы заявившего, что «никогда дела не пойдут как следует до тех пор, пока все вещи не станут общими». Однако впоследствии и Уолвин и его друзья отрицали, что ими было сказано нечто подобное. — См. «A Manifestation». — «Leveller Manifestoes», p. 390.

³³ J. Lilburne. Apologetical Narrative (April 1652). — «The Good Old Cause». London, 1949, p. 401.

тали необходимым отвергать подозрения, будто они сочувствуют идеям социальных левеллеров. Достаточно сослаться на пример Джона Кука, который, выдвинув в январе 1648 г. свой план «вспомоществования бедным», писал: «Я не желаю, чтобы ошибочно поняли, будто я являюсь врагом крупных владений. Я не придерживаюсь того мнения, которое сводится к уравниванию имущества всех людей. Это просто утопия (Utopian Fiction). Священное писание не знает ничего подобного, [там сказано], бедные да пребудут всегда с вами»³⁴.

* * *

Обратимся теперь к доступным нам памфлетам сельских левеллеров и попытаемся выяснить, в чем же усматривали их авторы цели революции и насколько связаны их идеи с социальной идеологией диггеров. Самым известным является памфлет «Свет, воссиявший в Бекингемшире, или открытие главной основы, первопричины всякого рабства на земле, и прежде всего в Англии, представленное в виде декларации многих благонамеренных в данном графстве ко всем бедным и угнетенным сельским жителям Англии». Он датирован 5 декабря 1648 г.³⁵

Наиболее интересно в этом памфлете то, как левеллерские воззрения на природу гражданского общества и государства превращаются здесь в учение об основах социальной справедливости. Если политические левеллеры пытались, ссылаясь на естественное право, обосновать равенство людей, как членов гражданского общества, то сельские левеллеры сделали большой шаг вперед, распространив идеал равенства на сферу имущественных отношений. Поскольку, говорится в памфлете, человек создан «по образу и подобию божьему», он является господином всех низших существ, однако он не может господствовать над себе подобными, ибо все люди равны по праву рождения. Но именно поэтому «все они должны пользоваться землей — божьим творением (creatures) в равной степени, не допуская, чтобы один присваивал собственность большую, чем другой». Так же как один не может быть лордом другого, никто не может огораживать землю для своего исключительного пользования, в ущерб своему соседу³⁶.

Как мы увидим ниже, именно в этом состоял один из лейтмотивов учения Уинстенли. Естественное право толковалось здесь как раз в том направлении, которого больше всего опасался идеолог прандов Айртон³⁷. И первый шаг сделали, по-видимому, сельские левеллеры Бекингемшира. За религиозной драпировкой нетрудно разглядеть психологию крестьянина, возмущенного вопиющей несправедливостью аграрных отношений.

Однако, читаем мы далее в памфлете, человек в своей гордыне превратился в пожирателя божьих творений, огораживателя, не желающего, чтобы ему подобный пользовался той же привилегией; он отнимает все у своего брата так, что «все земли, деревья, звери, рыба, птицы и другое отгорожены во владение немногих... а все остальные лишены [всего] и превращены в их рабов [в такой степени], что за спиленное на топливо дерево

³⁴ J. Cooke. Unum necessarium of the Poor Man's Case. (Jan. 1648). London, 1648, p. 1.

³⁵ Этот памфлет и его продолжение «Новый свет...» Гуч без достаточных оснований приписывал Уинстенли. — См. G. P. Goosch. English Democratic Ideas in the Seventeenth Century. London, 1917, p. 187. За Гучем это сделал Бернштейн (см. E. Bernstein. Cromwell and Communism, p. 192) и еще совсем недавно Вольф (см. «Leveller Manifestoes», p. 58). Однако издатель памфлетов Уинстенли Себайн убедительно доказал, что перед нами произведение, возникшее в кругах бекингемширских сельских левеллеров, которых он именует «крайними». — «The Works», p. 605.

³⁶ «Light Shining in Buckinghamshire». — «The Works», p. 611.

³⁷ Выступая против принципа «естественного права» на конференции в Петни (октябрь 1647 г.), Айртон заявил: «Покажите мне, каким образом, руководствуясь естественным правом, вы... предотвратите [покушение на чужую собственность]. каким образом вы, согласно этому вашему праву, оградите собственность любого человека». — «Puritanism and Liberty», p. 63.

их наказывают, а за охоту на птицу — сажают в тюрьму, так как она [охота] — забава джентльменов». Так как все земли огорожены, бедняки не могут держать скот или построить жилище, не купив разрешение для одного или места для другого у главного огораживателя, именуемого лордом манора. И если держатель допущен на правах копигольдера, он должен принести клятву верности, точнее, сделаться рабом, как сказано выше³⁸.

Так сельские левеллеры раньше, чем Уинстенли и диггеры, сформулировали основное содержание крестьянско-плебейской аграрной программы в Английской революции 40-х годов XVII в. Здесь не только указана негативная направленность программы — протест против земельной монополии лендлордов, но изложена и позитивная цель — уравнительное землепользование, достижение которой обеспечило бы коренной демократический переворот в деревне в интересах крестьянства. Поэтому сельских левеллеров следует считать первыми «истинными левеллерами» Англии, а их программу рассматривать как исходный пункт социальной идеологии диггеров.

В анализируемом памфлете предвосхищается и другая важнейшая черта идеологии диггеров — теснейшая связь между демократическим аграрным переворотом и идеалом демократической республики. Политические левеллеры были в 1647 г. горячими сторонниками республики, но с конца 1648 г., когда гранды оказались фактически у власти, Лилльберн и его сторонники уже не требовали безусловного уничтожения монархии. Для них было важно лишь то, в какой мере данная форма правления обеспечивает основные «прирожденные права» человека³⁹. Считая главной гарантией гражданской свободы систему права, основанную на неприкосновенности природных «свобод человека», Лилльберн не раз указывал, что только такое право является «надежнейшей крепостью... слабейшего»⁴⁰. После казни короля Лилльберн и его единомышленники заявляли, что они вовсе не были сторонниками ее⁴¹.

Действительными демократами, подлинными республиканцами были лишь сельские левеллеры и диггеры. И это потому, что они впервые наполнили крестьянско-плебейским содержанием понятие свободы, обратив внимание на ее экономические, материальные предпосылки. Они должны были стать республиканцами уже в силу того, что учреждение демократического республиканского строя являлось неременной предпосылкой установления демократического аграрного строя, прологом, а в конкретных условиях республики 1649 г. — первым актом аграрного переворота в пользу неимущих.

«Королевская власть, — читаем мы в рассматриваемом памфлете, — происходит от зверя, а тот от дьявола. Отсюда ясно, что тот, кто поклоняется власти короля, поклоняется дьяволу... а так как вся власть в стране основывается на королевских патентах, то они — дьявольского происхождения»⁴². Заметим, что эти строки были написаны почти за два месяца до казни короля. Наряду с таким библейским истолкованием сущности монархии сельские левеллеры широко пользовались также распространенной в те годы теорией так называемого «нормандского ига». «Незаконно-рожденный чужеземец Вильгельм», писал анонимный автор памфлета,

³⁸ «The Works», p. 612.

³⁹ Этот факт с очевидностью раскрылся в последующие годы, когда многие видные деятели левеллерского движения вступили в тайные сношения с двором эмигрантов, с Карлом II. — См. J. Frank. *The Levellers*. Cambridge, Massachusetts, 1955, p. 187.

⁴⁰ D. Petegorsky. *Left-Wing Democracy...*, p. 119.

⁴¹ Еще в ноябре 1648 г. Лилльберн говорил: «Наше рабство в будущем... может быть еще большим, чем когда-либо во времена монархии». — См. J. Lilburne. *The Legal Fundamental Liberties* (1649). — «Puritanism and Liberty». London, 1938, p. 343. Отстаивание формального принципа «права» привело некоторых последователей Лилльберна, стремившихся в годы протектората любой ценой уничтожить ненавистный режим военной диктатуры, к сговору с роялистами.

⁴² «The Works», p. 613.

пришел к власти в Англии с помощью завоевания и убийств. «Он создал гарнизоны, чтобы поработить англосаксов, захватить все их земли и вынудить держать их на праве копигольда, уплачивая произвольные фэйны и герiotы». Таковы предшественники нынешнего короля. Не ясно ли, заключал автор, что короли — враги царства христово ⁴³.

Отсюда были сделаны и социальные выводы. «Смотрите же, богатые владельцы, захватчики, огораживатели: ваши держания, ваши патенты, прамоты, разрешения исходят от короля и все земельные держания получены вами от вашего короля (from Your King), все указы, договоры, обязательства и аренды также составлены от его имени». Автор видел основную причину, почему злонамеренные люди — пэры, бароны — поддерживали короля в том, что иначе их тираническая палата лордов пала бы вместе с ним. Точно так же лорды маноров, джентльмены, судьи должны стоять за короля, ибо их власть и привилегии учреждены королевскими патентами. А священникам разве не ясно, что если падет король, то будет уничтожена их десятина? ⁴⁴.

Такое глубокое понимание неразрывной связи между монархией и системой лендлордизма до Уинстенли можно найти только у сельских левеллеров. И только они дают такое истолкование республики (Commonwealth), которое предполагает уничтожение наряду с королевской властью также его вернейшей опоры — крупного землевладения, сословного строя, государственной церкви.

Сельские левеллеры во многом предвосхитили Уинстенли и в трактовке крестьянских идеалов. Ставя своей задачей «освободить равно всех людей от рабства», они стремились к республике, которая обеспечит «для каждого человека справедливое положение (a just position) в жизни, чтобы никто не должен был просить милостыни или воровать из нужды» ⁴⁵. В этом стремлении к «справедливой доле» материальных благ «для каждого» и следует видеть краеугольный камень социального уравниательства 40-х годов XVII в.

Основной принцип «истинной республики», о которой мечтали сельские левеллеры, гласил: каждый должен трудиться ради собственного блага, ибо «несправедливо и недостойно, чтобы один работал, а другой забавлялся (play). А если все равно трудятся, разве это не справедливо, чтобы все равно и ели (to eat alike)» ⁴⁶.

Недостаточно отметить, что перед нами образец мышления радикально настроенной сельской бедноты, которому — в силу господства феодальной монополии на землю — свойственно было непреходящее стремление к «делу всех благ поровну». В приведенных утверждениях сельских левеллеров скрывалось также глубоко революционное содержание. Правда, автор памфлета еще не указывает путей достижения данной цели. Но ему уже ясно, что подлинная свобода (absolute Freedom) означает создание условий, при которых один человек не сможет жить за счет другого: 1) уничтожение рент и фэйнов копигольдеров, 2) уничтожение процентов на долги, 3) уничтожение десятины ⁴⁷.

Зажиточный йомен 40-х годов XVII в. боялся посягнуть на собственность лорда, опасаясь, как бы не потерпел ущерба его собственный надел. Но крестьянско-плебейская часть деревни решительно требовала уничтожения власти лендлорда над его держанием, уничтожения всех платежей и повинностей с этого держания и превращения его в свободную трудовую собственность. Ее идеал — «равно трудиться и равно есть», хотя и получал у сельских левеллеров весьма ограниченное истолкование, тем не ме-

⁴³ «The Works», p. 617—619.

⁴⁴ Ibid., p. 613—615.

⁴⁵ Ibid., p. 615.

⁴⁶ Ibid., p. 616.

⁴⁷ См. вторую часть памфлета «More Light Shining in Buckinghamshire». — «The Works», p. 633.

нее имел революционный характер. Точно так же их требование о «равном праве всех на божье творение», которое автор памфлета понимал лишь как равное право пользования общинными угодьями (не затрагивая огороженные земли лордов), было проявлением той же борьбы за торжество крестьянского трудового землевладения над системой лендлордизма.

Итак, главная заслуга сельских левеллеров состояла в том, что они на решающем этапе революции (1647—1649 гг.) выступали как носители и поборники крестьянско-плебейской аграрной программы. Они первые увидели в уничтожении феодальной собственности основную предпосылку «социального уравниательства», понимаемого ими как равенство мелких тружеников — истинного оплота демократической республики ⁴⁸.

Предвосхитив в значительной степени социальные взгляды Уинстенли, сельские левеллеры, однако, в отличие от него еще не объявили себя в 1648 г. «истинными левеллерами», т. е. не отмежевались от направления Лилльберна ⁴⁹. Уинстенли и его последователи, назвав себя так, сделали дальнейший шаг вперед, продемонстрировали более высокую ступень социального самосознания, более острое восприятие окружающей действительности.

* * *

Памфлеты Джерарда Уинстенли по их содержанию могут быть разделены на три группы: 1) религиозные, 2) связанные с диггерским движением 1649—1650 гг. и 3) социальная утопия «Закон свободы». Большой интерес в связи с изучением идеологии диггеров представляют также: анонимный памфлет, изданный в 1649 г. под заглавием «Разоблачение лицемерного тирана и его уловок, с помощью которых он торжествует» ⁵⁰, декларации диггеров Уэллингборо, поэзия диггеров, в частности Роберта Костера ⁵¹.

Для правильного понимания всех этих материалов необходимо учитывать, с одной стороны, прямую преемственную связь (а в ряде вопросов — идентичность) идеологии диггеров с воззрениями сельских левеллеров и, с другой стороны, то обстоятельство, что движение диггеров являлось в известном смысле завершающим звеном в длинной цепи крестьянских, антифеодальных восстаний в Англии XVI и первой половины XVII в.

Стержнем идеологии диггеров являлось основное требование крестьянско-плебейской аграрной программы: «Земля должна быть превращена в общую сокровищницу всех людей» ⁵². По сути дела, все учение Уинстенли было прежде всего религиозным, историческим и политическим обоснованием именно этого требования «копателей». При этом в зависимости от того, являлся ли памфлет общим религиозно-этическим размышлением над проблемой социальной справедливости на земле или преследовал цель более практическую — защитить и отстоять колонию копателей, основанную на холме св. Георга, содержание понятия «земля — общая сокровищница» (treasure) или «общая кладовая» (storehouse) то расширялось, превращаясь в примитивно-коммунистическое учение о коллективной собственности и коллективном труде на общее благо, то суживалось до общедемократического крестьянского требования освобождения земли из-под власти лендлордов. Но важно отметить, что в обоих случаях речь шла прежде всего об уничтожении феодальной собственности на землю, как предпосылке «подлинного освобождения простых людей». «Пусть все говорят, что им угодно, — замечал Уинстенли, — [но] до тех пор, пока у власти находятся те,

⁴⁸ «The Works», p. 634.

⁴⁹ Ibid., p. 639.

⁵⁰ «Tyranipocrit Discovered with His Wiles Wherewith He Vanquisheth. Rotterdam. 1649.

⁵¹ См. «The Works», p. 659.

⁵² Впервые мы встречаем его у Уинстенли в памфлете «The New Law of Rightousnes» (June 1649). — «The Works», p. 149.

которые называют землю своей, удерживая [в неприкосновенности] частную собственность (particular propriety), «мое» и «твое» (mine and thine), простой народ никогда не получит свободы и страна никогда не будет освобождена от бедствий, угнетения и страданий»⁵³.

Уинстенли — единственный из идеологов революции 40-х годов XVII в. — увидел в частной собственности основу не только имущественного неравенства, но, что много важнее, — эксплуатации человека человеком. «Тот, — читаем мы в «Новом законе справедливости», — кто лишен земли, вынужден трудиться за мизерную плату (smale wages) на того, кто называет ее своей, благодаря чему некоторые возвышаются до тиранической власти, а другие впадают в прах нужды, как будто земля создана лишь для немногих, а не для всех»⁵⁴. «Истинно свободную республику» нельзя создать до тех пор, пока сохраняется частная собственность. Последняя является «причиной всех войн, кровопролитий, грабительских и порабощающих законов, которые держат народы в нищете»⁵⁵.

Из признания равной свободы для «каждого пользоваться землей и всем, что ее населяет», Уинстенли заключает: «Никто не должен желать быть богаче другого или быть его господином или претсдовать на то, что данная вещь принадлежит ему. Выражение «мое» и «твое» должно быть вытравлено из права... ибо все должны жить как братья, каждый должен поступать по отношению к другому так, как он желает, чтобы поступили с ним»⁵⁶.

Уинстенли, формулируя «закон справедливости», пишет: «Никто не потребует себе вещи, говоря «это мое, а то твое», «это моя работа, а это твоя», но каждый своими руками будет обрабатывать землю и выращивать скот, и благословение земли будет общим для всех; когда же кто-либо будет нуждаться в корме для скота, пусть возьмет себе из первого же амбара, который встретится ему на пути»⁵⁷.

Выше мы отмечали примечательный факт, что малоземельные и безземельные коттеры — типичные представители плебса в Англии XVII в. — составляли ведущую силу народных движений того времени. Теперь мы видим, что «новый закон справедливости», провозглашенный Уинстенли, был прежде всего выражением чаяний именно этого общественного слоя, который, будучи лишен собственности, усматривал свое социальное освобождение лишь в уничтожении частной собственности. Уинстенли указывал: во-первых, в основе присвоения материальных благ должен лежать производительный труд («кто не работает — да не ест»), и, во-вторых, каждый имеет равное право приложить свой труд к земле — основному средству тогдашнего производства. Из этих предпосылок вытекал важный вывод о равенстве в потреблении произведенных благ. Таким образом, плебс, опустившийся по социальной лестнице ниже всех, достиг вершины возможного в ту эпоху социального прозрения. Устами своего идеолога он провозгласил не требования тех или иных частных реформ, как это делали Лилльберн и его сторонники, а программу социального переустройства всего общества на началах коллективной собственности и потребления. Этот коллективизм носил на себе печать утопического, но вместе с тем в высшей степени революционного в ту эпоху идеала — на основе равенства в труде уравнивать всех людей в праве пользоваться земными благами. Неясно, правда, в какой мере коллективным представлял себе Уинстенли сам процесс труда (во всяком случае в промышленности он оставался индивидуальным). Важно отметить, что в проблесках пролетарской идеологии грядущего видны черты традиционно-крестьянского образа мыслей с характерным

⁵³ «The Works», p. 159.

⁵⁴ Ibid., p. 158—159.

⁵⁵ «A Declaration from the Poor and Oppressed People of England». — «The Works», p. 276.

⁵⁶ «The New Law», p. 183.

⁵⁷ Ibid., p. 184.

для него в ту эпоху представлением о земле, как «ничьей», «божьей», и о равенстве, как «дележе всех благ поровну»⁵⁸.

Именно потому, что утопические мечтания плебса выходили далеко за пределы задач буржуазно-демократического переворота, они реально-исторически могли вылиться в самую последовательную борьбу за решение этих задач, в самое бескомпромиссное отрицание феодального строя поземельных отношений 40-х годов. Следовательно, требование диггеров превратить землю в «общую сокровищницу», которое в интерпретации Уинстенли принимало примитивно-коммунистические очертания, в конкретной практике диггерского движения было выражением крестьянских чаяний об уничтожении повинностей, вытекающих из феодальной монополии на землю.

Вот почему в идеологии диггеров так трудно отделить примитивно-коммунистическую программу от крестьянско-демократической, антифеодальной. Уже в первом своем памфлете Уинстенли писал, обращаясь к лендлордам: «Дайте добровольное согласие сделать землю общей сокровищницей... чтобы младшие братья могли жить на земле столь же благополучно, как и старшие». Речь шла здесь о той земле, которая еще оставалась общинной, или, будучи конфискованной у врагов революции, находилась в руках государства, а также об уничтожении феодальных (копигольдерских) рент с земли, розданной в держания. Частные владения лендлордов (их домены), судя по контексту памфлета, не затрагивались. Об этом свидетельствует, например, призыв Уинстенли «не мешать матери-земле кормить всех своих детей молоком»⁵⁹. Признавая неприкосновенность господских доменов (до тех пор, пока «закон справедливости» не «озарит» их собственников), Уинстенли в то же время требовал, «чтобы и бедные могли обрабатывать пустоши, а не умирали с голоду», чтобы «бедные жили столь же привольно на обрабатываемых ими общинных землях, как лорды живут на своих огороженных землях»⁶⁰.

Таким образом, практической целью движения диггеров не было требование немедленной «национализации земли». Видимо, дифференциация английской деревни зашла уже слишком далеко, чтобы такое требование могло стать основой массового движения в деревне. В свою очередь и республика 1649 г., очевидно, не допустила бы осуществления подобного требования. Вероятно поэтому, диггеры, стремясь мирным путем достичь своих целей, на первых порах ограничивались лишь требованием распространения на «младшего брата» аграрного законодательства Долгого парламента, т. е. освобождения копигольдеров от власти лендлордов и открытия «бедным общинам» свободного доступа к общинной земле, в которой и у них была своя доля. Необходимо иметь в виду, что реализация и этого на первый взгляд ограниченного требования нанесла бы сокрушительный удар по системе лендлордизма, так как уничтожила бы власть лендлордов над большей частью английской земли⁶¹.

Аргументация в защиту этого требования диггеров в памфлетах Уинстенли поразительно богата. Хотя сам Уинстенли отрицал, что он что-либо почерпнул из «книжной мудрости», и заявлял, что истина открылась ему, во время «транса», когда он услышал «голос свыше»⁶², мы не должны обманываться на этот счет. Его широкое знакомство с социальными и политическими взглядами современников, с актами и декларациями парла-

⁵⁸ «A Declaration from the Poor».— «The Works», p. 275. Естественно, что для зажиточной прослойки йомении XVII в. этот «строй мыслей» был уже не только неприемлем, но и заключал в себе реальную угрозу «целостности их имущества». Вот почему эта прослойка вместе с манориальными лордами ополчилась против диггеров.

⁵⁹ «The True Levellers Standart Advanced».— «The Works», p. 265.

⁶⁰ Ibid., p. 260, 265; см. также «A Declaration from the Poor».— «The Works», p. 272.

⁶¹ «A New Years Gift».— «The Works», p. 356. Уинстенли подчеркивает, что в этом случае больше половины земли Англия перешло бы в руки бедных групп.

⁶² См. «To the City of London, Freedom and Peace Desired».— «The Works», p. 315.

мента и армии несомненно⁶³. Еще больше, по-видимому, он почерпнул из собственных наблюдений за разворачивавшимися событиями⁶⁴.

Даже в своих отвлеченных религиозно-этических размышлениях Уинстенли всегда отстраивается от основного общественного конфликта своего времени, от «всемирной драмы», разыгрывавшейся тогда в обществе. Религиозное обоснование социальных устремлений диггеров проявляется в учении Уинстенли о боге, как «всеобщей любви», и о вере, как «практическом воплощении» этой любви в повседневной жизни. Иначе говоря, мерилом религиозного рвения верующего является не его способность «славословить Христа» — главного левеллера (Chief Leveller), — а социальное поведение верующего, его способность «следовать Христу» в повседневной жизни⁶⁵. «Бог, являющийся царем справедливости, является не словесным богом, а богом поступков». Рассматривая религию как своего рода социальную этику, Уинстенли приходит к заключению, что истинная религия требует возвращения земли «себе подобным»⁶⁶.

Интересно обоснование социальных требований диггеров при помощи священного писания. Возникновению государства, говорил Уинстенли, предшествовало общество, символически изображенное в аллегории о рае. В этом обществе, жившем под началом бога и по его велениям, вся земля и ее блага находились в общем пользовании рода человеческого и потому там царило «всеобщее счастье и согласие». Но со временем случилось «грехопадение» — люди поддались искушениям «плоти», в них возобладали гордыня, зависть, алчность, лицемерие, страх. И то, что до тех пор являлось общим достоянием, было разделено на «мое» и «твое», появилась частная собственность, а с ней и воровское искусство купли-продажи. С тех пор на людей обрушились все бедствия нищеты, рабства, голода и войны. Земля превратилась в пустыню, а жизнь — в тюрьму⁶⁷.

Любопытно отметить, что изображение «естественного состояния» человечества у Уинстенли кардинально отличалось от картины, нарисованной Гоббсом, который видел в нем прежде всего «войну всех против всех». Столь же различными были и их представления о предпосылках возникновения «гражданского общества». История человечества выглядит у Уинстенли ареной извечной драматической борьбы между добром и злом, которая происходит как в душе каждого отдельного человека, так и в обществе. Как и сельские левеллеры, Уинстенли пользуется для подтверждения своей мысли о возникновении неравенства народной интерпретацией широко распространенной в Англии теории «нормандского ига»⁶⁸.

Пожалуй, наибольший интерес представляет политическое обоснование требований диггеров. Парламент, в котором представлены главным образом джентри, начав войну против тирании короля Карла I, призвал на помощь простой народ Англии. Народу было обещано восстановление исконных свобод и справедливости, поправных королевской властью. Общины Англии, наряду с джентри и фригольдерами, не жалея средств и самой жизни, помогли одержать победу. Король был казнен, Англия объявлена республикой — Commonwealth. Однако для простого народа ничего не изменилось; над ним продолжает тяготеть прежняя тирания манориальных лордов, лишивших его свободного доступа к земле — его кормилице. Тем самым был совершен величайший в мире обман. Лорды и джентри использовали победу исключительно в своих интересах⁶⁹.

⁶³ См. ссылки на «Институции» Кока и «Великую хартию вольностей» в памфлете «A Watchword to the City of London». — «The Works», p. 332.

⁶⁴ См. «The Saints Paradise». — «The Works», p. 93.

⁶⁵ См. «The Law of Righteousnes». — «The Works», p. 185.

⁶⁶ «An Appeal to All Englishmen». — «The Works», p. 409.

⁶⁷ См. «Fire in the Bush». — «The Works», p. 451, 452 и др.

⁶⁸ «An Appeal to the House of Commons». — «The Works», p. 303—304; Ch. Hill. Puritanism and Revolution. London, 1958, p. 82.

⁶⁹ «An Appeal to the House of Commons». — «The Works», p. 304—308.

Уинстенли — единственный современник революции, который не только видел односторонний характер аграрного законодательства Долгого парламента, но и разоблачил подлинную сущность акта об отмене рыцарского держания. «Если вы нашли «палату по делам опеки», — писал он, обращаясь к лендлордам, — обременительной [для себя] и освободили лордов маноров и джентри от уплаты фэйнов королю и освободили их детей от участи подопечных, то освободите и простой народ от омажа и уплаты фэйнов маноориальным лордам... Уничтожив власть короля над лордами маноров, уничтожьте и власть этих лордов над простым народом»⁷⁰. «И в самом деле, если простой народ не имеет в Англии большей свободы, нежели [«право»] жить среди старших братьев [богатых] и трудиться на них за плату, является ли он в Англии более свободным, чем он был бы в Турции или Франции»⁷¹.

Уинстенли был также единственным леволлером, увидевшим прямую связь между сохранением системы лендлордизма и угрозой неминуемой реставрации монархии. Королевская власть, писал он, двулика: либо она осуществляется одним королем, либо многие управляют с помощью прежних монархических принципов⁷². Уничтожив королевскую власть, революция лишь начала освобождение английского народа. Этот акт принес свободу только джентри. Свобода же народа зависит от того, уничтожит ли революция и королевское право, коренящееся в праве лендлордов на землю тружеников⁷³. Англия не может быть свободной республикой, пока это рабство не уничтожено⁷⁴. Итак, заключает Уинстенли, вы должны либо учредить настоящую «республиканскую свободу» (Commonwealth Freedom), позаботившись о благополучии всех, либо вы вынуждены будете снова восстановить монархию⁷⁵.

Реставрация Стюартов в 1660 г. показала, сколь прозорлив был идеолог диггеров. И может быть, особенно примечательно то, что именно идеолог плебса, — неискушенного в «высоком искусстве» политики, едва пробудившегося и вовлеченного в борьбу в качестве «привеска» к чужой политике, — оказался самым дальновидным политическим мыслителем эпохи.

* * *

Итак, если рассматривать идеологию диггеров не только как одно из звеньев в цепи домарксовых социалистических доктрин, а конкретно-исторически, т. е. в тесной связи с ходом буржуазной революции 40-х годов XVII в. в Англии, породившей и обусловившей эту идеологию, то нельзя не прийти к выводу, что ее стержнем была программа крестьянско-плебейской чистки страны от феодализма. Это позволяет понять, почему социальные чаяния плебса об обществе «равных тружеников» были туманны и расплывчаты, в то время как требования крестьянского аграрного переворота были гораздо более ясными и определенными. Диггеры потому смогли сформулировать программу такого переворота, что, будучи идеологами плебса, они уже сумели преодолеть «почтение к частной собственности», останавливавшее все другие партии.

Именно потому, что даже наиболее радикальная английская буржуазия, вступив в союз с новым дворянством, не хотела разрешить аграрный вопрос в пользу крестьянства, эту задачу должна была взять на себя партия, которая, по крайней мере в своих мечтаниях, стремилась выйти не только за пределы буржуазного антифеодального переворота, но и за пределы буржуазного строя. И нет ничего удивительного в том, что диггеры,

⁷⁰ Ibid., p. 308.

⁷¹ «A Letter to the Lord Fairfax». — «The Works», p. 288.

⁷² «The Law of Freedom». — «The Works», p. 527.

⁷³ «An Appeal to All Englishmen». — «The Works», p. 412.

⁷⁴ «A Humble Request». — «The Works», p. 431.

⁷⁵ «The Law of Freedom». — Ibid., p. 527.

увидевшие в частной собственности источник всех социальных зол, выступили как наиболее решительные противники системы лендлордизма, феодальной монополии на землю.

В этой видимой «двойственности» идеологии диггеров, в сочетании примитивно-коммунистических и общедемократических устремлений народных низов, в неразрывности этой связи и заключается опрощенное социальное-политическое значение этой идеологии в развитии революции.

Органическая связь идеологии диггеров с крестьянской аграрной программой революции придавала особую остроту их беспощадной критике современной им действительности. Само существование в течение года колонии диггеров близ Кобхема означало призыв к коренному переустройству современного диггерам английского общества⁷⁶.

Надо, однако, подчеркнуть, что в восприятие современников наиболее глубоко врезались не принципы, положенные в основу деятельности коммунистической колонии близ Кобхема, а то, что она самим фактом своего существования утверждала революционное право трудящихся свободно приложить свой труд к свободной, «ничейной» земле, не испрашивая на то разрешения лендлордов и не выплачивая им ренты.

Если индивидуальное сознание временами способно заглядывать далеко вперед, то общественное сознание подвижно лишь посильными для данного времени задачами. Так, например, упоминавшиеся выше бекингемширские левеллеры, собравшись на митинг 10 мая 1649 г. (т. е. уже после того, как до них дошли сведения о колонии диггеров), в своей декларации протестовали против сохранения «королевской власти в новой форме», т. е. против власти манориальных лордов, требовали уничтожения «дьявольского интереса», заключавшегося в рентах, файнах, гериотах и обычаях копигольдеров, а также провозглашения Англии республикой⁷⁷. Это были гребования демократического аграрного переворота, который освободил бы землю для тех, кто в ней нуждался.

Точно так же и автор анонимного памфлета «Лицемерный тиран» не выходит в своих устремлениях за пределы этого переворота. Каждый, читаем мы в нем, должен добывать свой хлеб собственным трудом. В обществе не должно быть места для социальных привилегий. Диггерское требование «превратить землю в общую сокровищницу» здесь выражено в форме призыва установить «равенство материальных благ (an equality of goods and lands)», а равное распределение средств существования (means to spend) объявляется «основой справедливости»⁷⁸.

Нет никаких оснований сомневаться в социально-уравнительных и даже субъективно-коммунистических устремлениях автора данного памфлета, но если рассматривать их в контексте социальной борьбы, развернувшейся в Англии после казни короля и провозглашения республики, то не останется сомнений в том, что на деле перед нами те же требования крестьянской антифеодальной революции.

Одним словом, именно потому, что коммунистические чаяния возвысили диггеров над уровнем повседневных требований народных низов, диггеры смогли стать самыми радикальными поборниками интересов этих масс в ходе буржуазной революции.

⁷⁶ «A Watchword to the City of London». — «The Works», p. 331. «Если дело диггеров победит (утверждали лендлорды. — М. Б.), мы потеряем все свои привилегии и титулы и мы, бывшие в зените славы, будем не в большем почете, чем наши слуги».

⁷⁷ «A Declaration of the Well-Affected in the Country of Buckinghamshire». — «The Works», p. 645.

⁷⁸ «Tyranipocrit Discovered...», p. 33, 55.